

Иван ЛЕВКОВИЧ

Левкович Иван Иванович, родился в 1935 году в деревне Доры, что на Воложинщине. Семилетнее и среднее образование получил в Дорской средней школе. С ранних лет любит читать художественную, философскую литературу, но главным увлечением стала поэзия. Поэтому вскоре сам начинает пробовать себя на литературном поприще. С 1951 по 1964 годы работал в колхозе «Красное Знамя» по месту жительства. В свободное время уединялся и сочинял стихотворения, писал этюды, рассказы. В 1965 году Иван поступил в Горецкую сельскохозяйственную академию на факультет агрохимии и почвоведения. После окончания в должности старшего инженера-почвоведра работал в филиале Гродненского института Белгипрозем, в то время располагавшемся в городе Щучине, а затем в должности старшего агрохимика – руководителя группы планирования и использования удобрений в хозяйствах области в Щучинском филиале «БелНИИ агрохимии и почвоведения».

В 2006-2007 годах произведения публиковались в альманахе «Панядзелак» творческого объединения «Литератор» при Союзе белорусских писателей. В 2008 году Иван Иванович стал автором сборника стихотворений «Душа моя – моря волненья», том первый. Стихи, вошедшие в сборник, были напечатаны впервые. К переизданию подготовлен сборник стихотворений «На досуге с Библией», том второй.

В 2010 году И.И.Левкович подготовил к публикации третий сборник «Некошениый лужок», включающий стихотворения, этюды, эссе, рассказы, а также приключенческую повесть. В этом же году появились публикации в альманахе «Нябесны Знак», который издавался творческим объединением писателей Гродненщины. В настоящее время Иван Иванович Левкович на пенсии. Проживает в городе Щучин Гродненской области. Пишет на русском языке.

«ЧЁРНАЯ ПЯТНИЦА» НА ДОРЩИНЕ И ВОСПОМИНАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ ТЕХ СОБЫТИЙ

Историко-хроникальный рассказ

Деревня Доры, с прилегающими её хуторами и деревнями – Среднее Село, Шараи, Дубовцы и Макричевщина, расположена на Воложинщине, ныне Минской области. В 1941 г., в результате вероломного нападения на Страну Советов фашистской Германии, эта местность была занята немецкими войсками. Оккупационный режим проявлял крайнюю жестокость по отношению к местному населению. Немцу было всё дозволено: безнаказанно он мог отстегать человека резиной, прикладом, палкой, мог убить только за одно подозрение. Таковой при нём была повседневная жизнь, всегда с рыском быть побитым или убитым. Люди жили подавленные страхом, днём перед немцами, а ночью – перед лесными бандитами, зачастую именовавшими себя партизанами.

А вот 23 июля 1943 года – пятница. Этот день я назвал «чёрной пятницей» ибо он ознаменовался ужасным трагизмом, унёсшим огнём и свинцом много невинных жизней мирных жителей разного возраста и пола. И хотя мне, свидетелю тех событий, было около 8 лет, но я в деталях помню, как они развивались. А было это в хронологическом порядке таким образом.

«Ещё 22 июля карательные отряды смерти неожиданно в обед нагрянули на деревни Доры и Среднее Село. В первой они обозом расположились на церковном плацу, а во второй – возле усадьбы жителя Пашкутя Н. и на плацу протестантской церкви возле деревни. Днём незваные гости отлавливали молодых людей для отправления на работы в Германию и на местные – полевые работы. Так в Дорах был схвачен Ушацкий Альберт, в Среднем Селе – три девушки: Радюк Галина П.; Кулик Валентина П., Кулик Лилия П. (сёстры). Все они, за исключением Ушацкого А., были вывезены на работы в Германию. А также пожилых людей хватили для отправления на временные работы в Красное Урочище (тогда район Минска). Основная же масса жителей этих деревень разбежалась в жита и кустарники болотистых мест – «Осоково» и «Денисово». В последнее убежал и наш отец. Скоро до нас на хутора дошла депеша, что в Дорах жителей согнали в церковь, якобы для молебна богу. Мама быстро собрала детей (нас было пятеро) и спряталась с нами в жите. А к вечеру, поскольку в Среднем Селе (наш хутор стоял рядом с этой деревней) было тихо и спокойно, многие пожилые люди, женщины с детьми и мы с мамой вернулись в свои очаги. Вскоре наступила и ночь. Как мне помнится, ночь была убаюкана загадочной тишиной и освещена тусклым лунным светом. Эта тишина как бы таила в себе нечто таинственно-зловещее. И всё же эта ночь меня так зачаровала, что я до полуночи сидел на скамейке в саду под густой кроной яблони, любясь завораживающей красотой ночи. В этой тишине я слышал, как перекликались часовые, какие-то стуки у протестантской церкви, и даже видел движение верховых по тропам в поле. Но моё детское сознание ничего не усматривало в тех ночных действиях карателей. И только сегодня, делая экскурс в ту ночь, мне становится ясно, что каратели работали всю ночь, готовили своё чёрное дело. И к утру все вышеупомянутые деревни, под покровом ночи, были оцеплены верховыми-постовыми, вооружёнными горячим оружием и бензином. А на крыше протестантской церкви были установлены пулемёты для поражения движущихся целей. Таким образом, за ночь всё было подготовлено к проведению карательной операции над мирным населением и ждало, соответственно, сигнала начала её проведения на всей оцепленной местности.

Насладившись прелестями ночи, я вернулся в хату, где меньшие братья мои давно уже спали, а мама, пригорюнившись, сидела у окна, погрузившись в какие-то мысли. Видимо, то-

мили её какие-то предчувствия. Быстро уложив меня спать, сама приняла прежнее положение. Не знаю, как долго я спал, но резкий голос мамы разбудил меня. Подхватившись, я спрыгнул с кровати и через окно увидел в селе зарево небольшого пожара. Мама быстро набросила мне на плечи, заранее приготовленную торбу с провиантом, вывела в сени и, отодвинув железный засов двери, вывела за порог во двор и велела быстро бежать в жито. Я пробежал несколько десятков метров около сада, достиг поля, и скрылся под росным покровом его. Было ещё совсем темно – предрассветное время. В небе, сквозь разорванные облака, стыдливо проглядывала бледная луна и моросил прохладный июльский дождик. И в эту-то рань послышался сильный и продолжительный набат с церковной колокольни (она находилась от меня на расстоянии около одного километра), за ним последовали два мощных взрыва (церковь была „заминирована” ёмкостями с бензином). И тут же моему взору предстали огромные, шарообразные клубы огня, взметнувшегося в облачную муть, а церковь вспыхнула, как факел. В её огненном аду, как стало известно позже, в мучительных агониях и корчах, сгорели и жители деревни, согнанные накануне в её святые стены для моления.

Этот церковный набат и был сигналом возвестившим начало карательной операции на всей Дорщине, ибо огненный вихрь в мгновение, на моих глазах, охватывал все деревни и отдельные хутора вместе с жителями, пребывавшими ещё в глубоком сне, и наглухо закрытые сараи с дремавшим в них скотом. Пламя огня, на подкормке бензином, охватило всё вокруг, несмотря на моросящий дождь.

К вечеру дождь перестал, западный небосвод прояснился тёмно-оранжевым светом, и пунцовое светило находилось уже над закатной чертой горизонта. Воцарилась изумительная тишина, словно жизнь и вовсе замерла. Правда, иногда по дороге мелькали машины. Я житом, украдкой ползком, добрался до пепелища нашего хутора и рядом, в полосе жита, услышал глухой плач. И когда я на слух поспешил на него, то он привёл меня к моей маме. Момент встречи был величайшей радостью, что мы живы, и тут же он сменился моментом величайшего горя: ведь она поведала мне, что сгорели два мои братика и сестрёнка, которые предварительно, видимо, были расстреляны карателем, проникшим в хату через окно со стороны улицы и открывшим стрельбу. Ей удалось убежать через дверь и спрятаться за сараем в полосе жита. А хата, – продолжала она, – мгновенно вспыхнула огнём. Мы с ней были в растерянности и долго плакали. Затем она велела мне, соблюдая осторожность, пробраться на болото “Осоково,” где люди попрятались от облавы и смерти.

Под покровом вечернего мрака добрался я до болота, Вот там я встретил и отца, и брата – они были живы. Оказалось, что один из братьев не сгорел, а бежал из огня, уже изрядно пылающей огнём комнаты хаты. «Проснувшись от звука выстрелов, я в одно мгновение, сквозь пламя огня, через все открытые двери, выбежал во двор, – говорил он. – Двор уже был освещён пламенем пылающих построек». Радости нашей встрече не было бы границ. Если бы я не омрачил её сообщением мамы о случившейся трагедии в нашей семье, которая для отца стала страшным стрессом: он пал в обморочное состояние и ему давали нюхать нашатырный спирт. А чёрные волосы на его голове в мгновение поседели. Рядом с нами на хворосте, на ветхом кафтане, лежала девчонка, лет десяти-одиннадцати, с пулевыми ранениями в области груди, а мать горько рыдала над чадом своим. Утром, уже 24 июля, до людей с кем-то дошла депеша, что каратели все деревни оставили и уехали. Люди, хотя и с опаской, начали покидать болото и устремились в свои деревни. Но места, где ещё вчера стояли деревни Среднее Село и Доры, и соседние деревни, напоминали выжженную пустыню. О бывшей в них ещё вчера кипучей жизни напоминали лишь уцелевшие русские печи, с возвышающимися над ними кирпичными дымоходами, да вековые обугленные деревья. Из строений в селе осталась только одна (восеть – помещение с печью для сушки и дальнейшей обработки льнотресты), которая находилась на обо-

чине села, а другая такая же – сгорела. На пепелищах стоял удушающий зловонный запах гари, они были усеяны костями сгоревших людей и животных. Валялись недогоревшие трупы детские и взрослых. На грядке конопля лежал труп мужчины с девочкой, прижатой к груди. Тела их были прошиты пулями: не смог он малышку от смерти спасти; в восети сгоревшей лежал обгоревший труп мужчины. На одном пепелище белели детские скелеты, а подальше от них лежала девчонка-подросток, обугленная, уцепившись обеими ручонками за ещё тлеющий деревянный порожек. Видимо, пыталась выползти из пылающей огнём хаты, да так бедняжка и не выползла: её недогоревший трупик, сильно обезображенный огнём, так и остался лежать, уже навсегда безжизненным. Это пепелище тлело ещё дымом и пахло отвратительной гарью. Буквально ещё вчера в этом очаге кипела радостная детская жизнь...

Но самое страшное впечатление на всех нас прибежавших произвело пепелище на месте сарая Пашкутя Н: оно было сплошь покрыто черепами и другими костями людей и напоминало, скорее, свалку костей, а возле пепелища лежали трупы расстрелянных и взрослых, и подростков.

Никому из нас, прибежавших из Осокова и примкнувшим к нам тех, которые прятались в посевах на местах и повылезли из них, не было известно, как развивались трагические события в деревне, ибо прямых свидетелей тех событий среди нас не было. Но само место показывало, что здесь были согнаны жители, что они сгорели... Оставшиеся жители, соприкоснувшись с этим страшным зрелищем, в истерике и рыдали, и кричали, и проклинали фашизм и войну, поскольку каждого из них здесь кто-то был убит, убит и сожжён, сожжён заживо, близкий родственник, член семьи, а то и несколько. Все мы были на грани психического срыва. (Об этой трагедии повествует ниже свидетель Кулик Зинаида Антоновна.)

Затем мы втроём – отец, я и мой брат, бежавший из огня, пришли на пепелище нашего хутора. Где и собрали хрупкие, перегоревшие, косточки двух братиков – Виктора И. 1937г. и Радислава И. 1939г. рождения, а так же сестрёнки Стефании И. 1941г. рождения, и предали их земле возле четырёхконечного креста, стоявшего у дороги рядом с нашим хутором, предварительно оплакав их горькими слезами.

Не менее страшное впечатление произвело и зрелище пепелища на месте Дорской церкви, которое тоже было покрыто человеческими костями. Особенно страшно выглядели черепа, глядящие пустыми глазницами. Здесь мы не встретили ещё ни одной живой души.

Эти зрелища были страшнейшим внешним воздействием, оставившим глубокий след в моём детском сознании. Многие годы мне снились кошмарнее сны. Да и сегодня во сне часто вижу картины тех далёких событий, в виде возникающих умозрительных представлений – это отголоски пережитого трагизма, оставшегося в моём подсознании, частичным участником которых мне довелось быть.

СВИДЕТЕЛЬ РУДОВИЧ ИВАН. Мальчик, лет 10-11, житель деревни Доры. Это был единственный живой свидетель сценария тех трагических событий, которые произошли и в деревне и в церкви 22 и 23 июля 1943 года в ту «чёрную пятницу», нависшую сплошным огнём и смертью над Дорщиной. Ему одному суждено было остаться живым и бежать из огненного ада церкви. По окончании войны он работал электриком в колхозе «Красное Знамя» по месту жительства. Привожу дословно смысл его повествования, которое однажды слышал непосредственно из его уст.

«Вооружённые отряды карателей нагрянули в деревню 22 июля в обеденное время и начали выдворять жителей из хат на улицу. Я был один дома. И меня тоже выгнали. Так сформировалась большая колонна людей. Она, окружённая солдатами, двигалась к церкви.

Вдруг послышалось предупреждение: «Кто попытается бежать, будет на месте расстрелян». Пригнали нас на церковный плац, где уже было согнано немного цивильных, и стоял целый обоз солдат. Были расставлены пулемёты. Затем солдаты начали отделять от общей толпы небольшими группами людей и насильно загонять и заталкивать их в церковь через открытый дверной проём. Кто пытался сопротивляться, того избивали прикладами, пинали ногами и насильно заталкивали внутрь. В одну из очередных партий попал и я, а передо мной заталкивали женщин с детьми. Одна из них оказала сопротивление. И тут же у входа её начали бить прикладами и ногами, а один из солдат выхватил у неё из рук ребёнка и бросил его в церковь, прямо на головы толпы, а её, избитую, за волосы затолкнули в церковь. Так же поступили каты и с другою молодой женщиной-мамой... Я, напуганный видимым, прошмыгнул внутрь церкви через дверной проём сам собою. В глубине церкви, мужики в чёрных ризах с образами в руках, двигаясь у стены, громко молились. А солдаты, несмотря на молебен, заталкивали всё новые и новые группы людей. Затем внесли два бидона с какой-то жидкостью, а дверь наглухо заколотили. Кто-то сказал, что в них бензин, что нас будут сжигать. Поднялась паника: одни в истерике рыдали и кричали, призывали Христа и Марию – мать божью, спасти их. Другие, пав на колени перед образами и крестами, усердствовали в молении. А какой-то бородатый мужик в ризе, с образом в руках, ходил и призывал: «Молитесь, рабы, богу, – и спасены будете!». Слово «сжигать» меня очень потрясло, и я начал метаться по всем углам, заглядывать в каждую щель, не отдавая себе отчёта в своих действиях. В церкви был серый, уже ночной свет. И вот, за какой-то чёрной занавесью, приставленной палками с чёрными флагами и заваленной разным церковным хламом, я на ощупь обнаружил дверную ручку. Осторожно нажал на неё – открылась узкая дверь в маленькую комнатку. В неё откуда-то сверху проникал тусклый свет (окна в церкви были небольшие и расположены очень высоко от пола). С какой-то опаской я вступил в неё и под босыми ногами почувствовал дощатый настил, ещё шаг – и дощечка под моей ногой проломалась или сдвинулась, и я упал на бок, а под ногой почувствовал свободное пространство – пустоту. Приподнявшись, я прикрыл дверку и приподнял ещё несколько дощечек, под ними оказалось какое-то пустое пространство. Я осторожно на ощупь пополз по нему и вскоре, сквозь тьму, заметил движущиеся мне на встречу лучи света. От страха я весь замер, пал в оцепенение. Не знаю, как долго я пробыл в этом обморочном состоянии, но когда пришёл в себя, те самые лучи продолжали светиться. Может это свет, проникающий откуда-то снаружи, – подумал я, – и пополз навстречу «лучам надежды». Ещё чуть-чуть ползком – и руки мои коснулись холодного каменного фундамента, сквозь щель которого и пробивался этот загадочный свет. Я начал дёргать камень и он, после нескольких шатаний, откатился наружу, подмяв под себя пышный бурьян. В фундаменте образовался проём, через который можно было свободно пролезть и убежать. До меня доносился глухой говор на чужом языке, Я, прижавшись к земле, соображал, что делать дальше. И вдруг раздался продолжительный набат церковного колокола, пулемётные очереди и вроде глухие крики людей. И, наконец, раздались два хлопка очень большой силы, после чего воцарилась тишина, только слышен был шум и треск огня, и ядовитый дым уже начал устилать землю и сдавливать в моей груди дыхание. В это время я через проём быстро выполз наружу. А дальше – узкая полоса сенокоса и речка Доранка. Шёл мелкий дождик. Под плотным пологом её кустарников я скрылся. Страхнув с себя дрожь и страх, я стал во весь рост и оглянулся назад, на церковь и деревню – всё вокруг было покрыто чёрными дымами с красновато-жёлтыми просветами пламени, слышалась стрельба, чьи-то крики, рёв животных. А церковь, находящаяся на некотором расстоянии от меня, горела, как большая свеча на алтаре, вознося на небо трупные благовония людей в приятное благоухание «богу-спасителю». Время было, что ли, предрассветное. В небе надо мной было темно-темною».

СВИДЕТЕЛЬ ДЕНИСИК ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ. Житель деревни Доры. Это другой живой свидетель, тех трагических событий в деревне, ему суждено было бежать из огня горящей хаты Трембицкой А.И и остаться живым. В 1950 г. мы вместе работали полеводцами в колхозе „Красное Знамя.” Был он человек компанейский и хороший собеседник. А мне в то время было 15 с лишним. Мы, подростки, называли его ДЯДЯ ВАСЯ. На работе он часто рассказывал о том, как ему суждено было уцелеть во время блокады деревни карателями. Рассказывая, он, как правило, не сдерживал эмоций – прерывался паузами с детским плачем. Конечно же, его можно было понять. Он, ДЯДЯ ВАСЯ, был единственным свидетелем одновременно двух трагических событий, а именно: частичным свидетелем трагизма, происходившего в церкви, а так же свидетелем трагизма, происшедшего в хате Трембицкой А. И. Ниже я и опишу содержание его рассказа, как я неоднократно слышал в его беседах.

«Это было 22-го июля в 1943 году. Стоял жаркий июльский день. В обед немцы целым обозом нагрянули на деревню и расположились на церковном плацу. А затем разошлись по хатам и начали выгонять жителей на улицу. В основном это были пожилые люди, а возрастом моложе, разбежались кто куда – в жита, кустарники болот. Меня с женой постигла та же участь. Нас гнали в церковь колонной, окружённой конвоирами, гнали на молебен богу. И так, нас пригнали к церкви. Вдруг людей небольшими группами начали загонять в открытые двери церкви. С третьей партией попал на молебен и я. Взору моему предстала картина: каты били людей ногами, женщин таскали за волосы, избивая, даже детей поднимали на штыках над головами людей. К удивлению своему, я увидел, что монах стоял с иконой, молясь богу, и многие на коленях стояли у креста, подле иконостаса, и тоже молились. А, я как человек неверующий, воспринял это с презрением. И даже, подойдя к монаху, сказал ему: Ты брось эти пустые молитвы и подумай о спасении прихожан. А он мне в ответ сказал: «Усердно молись господу, раб божий, – и спасён будешь!». А когда загнали следующую партию людей, то один из солдат упился в меня своим звериным взглядом, а затем, подойдя ближе, схватил меня за борта френча, подвёл к двери и вытолкнул из церкви вон. Во дворе я встретился с женой. А вскоре от общей колонны на плацу отделили группу, в которую попал и я с женой, и погнали нас обратно в деревню. В центре её свернули нас с дороги в усадьбу Трембицкой А. И., где и загнали в её большую хату. Нас мужчин и женщин было 41 человек. Все мы были среднего возраста, детей не было.

– ДЯДЯ ВАСЯ всех перечислял по фамилии и имени, но моя память, к великому сожалению, не сохранила ту ценную информацию. Конечно же, теперь мне очень жалко этого пробела в моей памяти.

– К нам приставили двух вооружённых солдат, которые расположились на скамейке у противоположной стены. Нам было приказано: «У стены принять сидячее или лежачее положение и так оставаться всё время, надобности справлять под себя, сохранять спокойствие». В тёмное время хата была освещена светом керосиновой лампы, подвешенной на длинной проволоке к потолку. Кто-то крикнул: «Пить хочу! Воды хочу!» В ответ – раздался выстрел!..

Короткая июльская ночь пролетела очень быстро. И в предрассветной её рани, уже 23 июля, послышался продолжительный колокольный звон у церкви, пулемётная стрельба, прогремели два сильных взрыва, и появилось в окне нашей хаты огненное зарево над церковью и ближайшими к ней хатами. Стало ясно, что каратели начали своё чёрное дело.

А вскоре немцы, в коротких зелёных накидках с капюшонами на голове и автоматами в руках, налетели и в нашу хату. Подняли нас и поставили у стены колонной в четыре ряда. Я стоял во втором ряду, прижав руками к себе свою жену, стоявшую впереди меня. После чего немцы присоединились к дежурившим у стены солдатам. И хотя ситуация показывала, что мы будем расстреляны, но ни в одном ряду не послышался вопль возмущения. Видимо, все мы были в состоянии глубокого оцепенения от ужаса перед видимо приближающейся смертью. Все

немцы, кроме охранявших нас ночью, в одночасье автоматы навели на колонну и начали строчить очередями. Все упали, я тоже на кого-то упал, а на мне лежала мёртвая, истекающая кровью, жена. А вот я чувствовал, что был цел и невредим и, лёжа, притаившись, глядел на убийц. И вот один из них подошёл ближе и ещё выпустил очередь по нам, лежачим. И тут же все они скрылись за дверью. А я почувствовал обморочное состояние и боль в плече: я был ранен в плечо, лежал и плохо соображал, что произошло. Из этого состояния меня вывели удары в оконную раму и стук падающего стекла. Я, чуть приподнявшись, увидел в проёме выбитой рамы солдата в зелёной накидке и в каске на голове, с автоматом в руке, который на ломаном местном прокричал: «Кто живой убегайте через окно! Хата горит! Убегайте!..», показал жестом руки... – и скрылся. Но никто из лежачих не отреагировал на призывы солдата-спасителя. Одни из них были мертвы, другие – лежали в стонах или мучились в корчах от болей в израненных телах, издавая последние глухие вздохи в предсмертной агонии. Они уже не могли ни осознать смысла поступившего звукового сигнала, ни принимать каких-либо действий.

Я же с трудом поднялся на ноги. И тут же у меня возникла мысль: взять на плечи жену и уйти с ней через окно. Я попытался поднять её на руки, скользя в лужи крови, я поняв, что затея моя успехом не увенчается из-за сильной боли в плече и слабости в мышцах, я наклонился над ней, обнял её мёртвую, окровавленную, расцеловал со словами: «Прощай, моя дорогая Ольга! Прощай!..». И не услышав ни малейшего звука в ответ, поднялся на ноги и, шатаясь, со слезами на глазах, отправился к проёму окна, через который еле выкарабкался наружу. Двор уже был наполнен густоватой пеленой дыма и большим количеством огненных искр, летящих с шумящей огнём соломенной крыши хаты. И тут же ко мне подбежал тот самый солдат-спаситель, в длинной зелёной накидке с капюшоном на голове, прячущей его от падавшего дождика, и автоматом в руке, что кричал в проём окна. Я оцепенел от внезапно налетевшей мысли: «Вот где моя смерть!..». Но он тут же прокричал: «Убегай! Убегай!..», – и скрылся в густом ядовитом дыму. Я как-то собрался с силами и поспешил за сарай, и там спрятался в высокой конопле, приведшей меня к посеву жита. В нём я снял с себя френч и рубашку, оторвал от неё рукава. Один из них смочил (шёл обильный дождик) и отмыл от крови рану плеча, а затем другим, обданным уриной из собственного сосуда, перевязал её. Во мне, чувствовалось, состояние было полуобморочное. Затем житом добрался до клеверного поля, где и подкрепился: сосал и кушал клеверные головки и кислый щавелёк. А вокруг меня полыхали заревом огней деревни.

И только далеко с обеда, когда карательная операция закончилась, и прекратилось по дороге движение гужевого обоза, с награбленным добром, и машин, и гонщики прогнали стадо скота. Я под покровом вечерних сумерек вышел к родной речке Доранке, и кустами по берегу русла добрался до болота «Осоково», где и встретился с людьми, и со своими дочками Фаиной и Фотинией. Им я и рассказал о том страшном трагизме и в церкви и в хате Трембицкой, А. И., в которой каратели сожгли 40 невинных жителей деревни, предварительно в упор, расстреляв их».

Благодаря этим свидетелям, для истории и памяти грядущих поколений, осталась подлинная картина драматических событий, происшедших в Дорах в хате Трембицкой А.И. и в церкви, в которой в ту „чёрную пятницу“ было заживо сожжено 106 человеческих жизней.

По подобному сценарию каратели провели такую же карательную операцию и в деревне Среднее Село. Вот что о ней рассказывают ещё живые свидетели.

СВИДЕТЕЛЬ КУЛИК ЗИНАИДА АНТОНОВНА. Уроженка этой деревни. В настоящее время проживает в городе Минске. Вот что она подробно повествует из своих воспоминаний.

«В то время мне было около 7 лет, но я хорошо помню ужасы и трагедию 23 июля 1943 года. Ибо всё происходило на моих глазах, Ещё 22 июля отряды фашистских убийц прибыли в деревню с обеда и расположились обозом в усадьбе протестантской церкви и в усадьбе Пашкутя Н. Пришельцы моего отца и сестру схватили прямо на работе в поле и увезли на временные работы. В день прибытия каратели вели себя спокойно и пристойно. А когда наступила ночь и деревня уснула глубоким сном, и мы, дети, тоже крепко спали (нас осталось трое). Неожиданно сон наш был прерван резким криком мамы: «Дети! Дети!.. Вставайте и бежим!..» Но бежать мы уже не успели: в хату с криком ворвались вооружённые немцы и начали выгонять нас на улицу. Мгновенно мы все бросились к двери, а они нас ещё и подталкивали дулами автоматов. На дворе было предрассветное время, и шёл мелкий дождик. На улице уже были наши соседи с детьми, скот, выгнанный из хлебов, стояли повозки запряжённые лошадьми, на которые солдаты выносили из хат всякое добро и ценное и не очень. Таким образом, по длине улицы за очень короткое время сформировался целый обоз из людей, скота и повозок, навьюченных экспроприированным людским добром. Всё это в дождливом, ещё предсумеречном рассвете двигалось в другой конец деревни. А сзади, по мере продвижения обоза, вспыхивали пламенем огня всё новые и новые ограбленные хаты, другие постройки. Обоз был остановлен возле усадьбы Пашкутя Н., расположенной на расстоянии далеко не досягаемом для огня горящей деревни. Вид на село потрясал моё воображение – сплошное море огня и рядом, и по всей округе сплошной огненный шум и треск соломенных крыш. Чуть-чуть рассвело, дождик продолжал падать. В остановившемся обозе отделили скот в стадо и приставили к нему гонщиков. А согнанные люди, промокшие под дождём, находились у повозок покрытых брезентами, у которых дежурило по одному вооружённому солдату в непромокаемых накидках. Вокруг разъезжали вооружённые верховые. И все – начеку. Вот тут и убеги!..

Нежданно, глубоко в нашу толпу спешно ворвалась женщина по имени Наташа, проживавшая у наших соседей. Её ещё звали «восточная» (она свободно владела немецким языком). Она не громкогласно сообщала: «Всех, кто попадёт во двор усадьбы, загонят в хлев и сожгут, взорвав в нём ёмкость с бензином. А поэтому прячьте детей под брезенты в повозки и под повозки, прячьтесь и сами, не бойтесь». Проходя, она что-то, чуть задерживаясь, говорила по-немецки солдатам, стоящим у повозок (возможно, она просила их быть к нам снисходительными, не знаю). Вдруг громко раздалась команда, повторившаяся несколько раз:

«Всем женщинам с детьми, детям-подросткам и старикам выйти из толпы и следовать к воротам, ведущим во двор усадьбы, а всем остальным – оставаться на местах и ждать машин для отправления...».

Неохотно потянулись к воротам отделяемые прикладами извергов люди.

Мама спрятала нас под брезент на повозке, и многие так поступили. Солдаты на повозках почему-то этому не препятствовали, а, наоборот, способствовали, – говорила мама, – дополняя мой рассказ о той трагедии. Я то ли из-за не понятия, то ли из жажды детского любопытства, беспечно высунула голову из тряпья из-под края брезента и наблюдала за происходящим. Расположение повозки у дороги было такое, что я видела всё происходящее за воротами во дворе:

Отделённых из толпы, загнав во двор, потеснили к двери сарая и начали теснить через проём открытой двери в сарай. Людям видимо стало ясно, что они будут уничтожены, а поэтому слышались гам, крики, плач. Многократно прозвучал в отчаянии чей-то громкий басистый призыв к спасению: «Дети, люди, разбегайтесь! Спасайтесь!..» Изверги начали бить людей прикладами и насильно теснить в дверной проём хлева. Было видно, как некоторые из толпы прорвались сквозь кольцо оцепления и бежали к посевам, спасая свою жизнь.

После насилия и бойни у хлева, дверь его наглухо заперли. Послышалась пулемётная стрельба, а за ней раздался взрыв: взорвалась ёмкость с бензином – хлев мгновенно был охвачен шумом огня и клубами чёрного дыма. Шум хлева тут же дополнился рёвом подошедших грузовых машин, крытых брезентом, для погрузки и отправки оставшихся жителей.

Мы, попрятавшиеся, вылезли из повозок и из-под повозок и присоединились к взрослым. Дождик так и продолжал идти. В одни машины грузили детей-подростков и женщин, а в другие – мужиков. И в сопровождении вооружённой охраны куда-то везли. И только в конце второго дня следования нас доставили на конечный пункт – Красное Урочище. Выгрузили и поместили в барак. Спали мы на полках, на древесных стружках, не раздеваясь. А кормили людей полугорькой похлёбкой, давали немного и хлеба. Взрослых выгоняли на строительство барачков, а мы, подростки, бездельничали.

На стройке барачков происшедшей на моих глазах. В лагере мы пробыли всего несколько суток. Затем отцу, мы и встретили родного отца и сестру, которых немцы схватили накануне в деревне. Им я и рассказала о трагедии, происшедшей в нашей деревне, многим женщинам и всем детям нашего села и многим другим, выдали пропуски с разрешением оставить лагерь. Итак, мы целой группой ушли из лагеря. Домой добирались лесными и глухими сельскими дорогами и тропами. За несколько суток добрались до своей деревни, представлявшей чёрно-серое пепелище. Здесь мы и встретились с односельчанами, оставшимися в живых. Им я и поведала о трагедии в усадьбе Пашкутя Н., как я её видела своими глазами. А от них мы узнали, что возле хлева было найдено более семи трупов. Среди них Новик Б. И. с грудным младенцем на руках, Кулик И.Г., Кулик Р.Я., Кулик О. Е. и другие (дети-подростки). Великой новостью для нас было и то, что двоим, убежавшим от хлева, всё же суждено было уйти от пуль и остаться живыми. Это был Дудар Александр Васильевич, мальчик лет 9-10, уже ушедший из жизни, и Кулик Таисия Григорьевна, девочка лет 6-7, ныне проживающая в городе Воложине».

Я и сегодня, – говорит Зинаида А., – приезжая в родное село, с трепетным волнением подхожу к могилам, в которых покоится прах невинных жертв фашизма и содрогаюсь, читая на плите памятника, что в тот трагический день, на моих глазах, в хлеву было сожжено 76 жителей деревни. Среди них были мои и кровные и ровесники».

СВИДЕТЕЛЬ КУЛИК ЯДВИГА ИВАНОВНА, УРОЖЕНКА ДЕРЕВНИ СРЕДНЕЕ СЕЛО. Уже ушедшая из жизни. Вот, что она рассказывала: «Ещё в предрассветное время в хату ворвался вооружённый фашист. Я в хате была одна с грудным ребёнком. Он в кровати спал. Фашист начал кричать, размахивая автоматом, и указывал рукой на выход в дверь. Я быстро выхватила из кровати ребёнка и устремилась в открытую дверь на выход, но кат выхватил из рук моих ребёнка и бросил его в угол на земляной пол, а меня ударами дула вытолкнул на двор, а затем – на улицу к толпе уже выгнанных людей. а по сторонам её стояли вооружённые немцы. Так мой ребёночек в том углу и сгорел. Заем люди и гружёные повозки двигались в конец деревни. Конвоиры издевались над людьми в колонне. Так идущего в колонне Кулика Г.М., идущий с ним рядом конвоир на протяжении всего следования бил его кулаками по голове и по лицу словами: «партизан, партизан». Также бил и его сына-подростка, идущего рядом. А затем расстрелял его. А престарую бабушку Евфраксу расстрелял за то, что она оступилась из колонны. Когда в конце деревни обоз на выгоне остановился, меня схватили и увезли на сельскохозяйственные работы».

СВИДЕТЕЛИ ШУНЬКО АННА ТАРАСОВНА и её дочь ГАЛИНА СТЕПАНОВНА жители деревни Среднее Село, тоже участники и свидетели трагизма той «чёрной пятницы». Правда, Галине в то время было за четыре годика, но она хорошо помнит всё, что преломилось через детское сознание. Вот что рассказала Анна Тарасовна, о той страшной трагедии.

«Это было 23 июля 1943 года. На предрассветной черте вооружённые немцы ворвались к нам в хату и всех выгнали на улицу. Так моя семья (два подростка, девочка и я с Галиной на руках) присоединилась к общему обозу, приведшему к усадьбе Пашкутя Н. Когда же немцы начали отделять от общей толпы женщин с детьми и стариков, и подростков, и загонять во двор к сараю, я с детьми стояла рядом с немцем у повозки, а на руках моих сладко спала крошка-Галина. Вдруг этот немец взял из рук моих девочку и, быстро, приподняв брезент, положил её под него, а нам показал залезать под повозку, и даже сам толкал нас под неё. Так, благодаря тому немцу, моя семья не попала в тот роковой хлев. Мы сидели под повозками, пока не подали команду: «Всем оставшимся быстро грузиться на машины!..». Когда мы вылезли из-под повозки, немец мне отдал ещё спящую Галину, и она проснулась, и он ей в ручонку дал кусок сахара.

Мы, женщины с детьми, загрузились в машину и она двинулась в сопровождении того же самого немца, что спас нашу жизнь. Немец был вооружён, Он обходился с нами очень вежливо, показал нам свою семейную фотографию, хотел общаться с нами, но этому мешал языковой барьер. Для отправления естественных надобностей машина немедленно остановилась по сигналу из кузова».

ШУНЬКО ГАЛИНА СТЕПАНОВНА. Ныне проживает в городе Минске. Она из того «путешествия» приводит такие два любопытных эпизода, врезавшиеся в её память: «По моей необходимости машина остановилась, немец слез с машины, а затем снял меня... и опять поднял в кузов, и сам на время отлучился. Вскоре он вернулся с маленьким букетиком растений с жёлтыми цветками, и этот букетик он отдал мне. Я взяла его и долго глядела на немца своим детским, ничего не выражающим, взглядом. А может в нём подсознательно и была обратная связь на его тёплые, почти родительские, отношения ко мне – не знаю, но он своей искренней добротой очень расположил себя ко мне. Этот немец, совсем не был похож на карателя и человекоубийцу».

Галина С. приводит и второй приключенческий эпизод, связанный с тем же великодушным немцем, сопровождавшим их к месту назначения.

«Когда в «Красном Урочище» нам выдали документы с разрешением оставить гетто и мы, возвращаясь домой, забежали в одну деревню спросить дорогу на Раков (Я, Кулик П. П., Кулик И.Ф. и другие дети-подростки) А в ней, оказалось, располагался немецкий штаб. Нас задержали два немца, один из которых был тот самый, который сопровождал нас в машине и дал мне букетик растений с цветками. Он узнал меня и дал нам по конфетке, а через переводчика (другого солдата), указал дорогу на Раков и советовал пробираться только глухими дорогами... – и отпустил нас. Я и сегодня хорошо помню внешний портрет того добродушного немца».

РЕЗЮМЕ. Анализируя повествования свидетелей тех событий, приходишь к выводу, что не все немцы были со звериным инстинктом, которые уничтожали себе подобных такими страшными методами, отнимающими у человека право на жизнь. Были среди них и гуманные особи, которые шли в разрез с требованиями режима, даже в таких сложнейших ситуациях, может быть и рискуя своей карьерой, но всё равно они не могли поступиться своей совестью. А те, которые уничтожали себе подобных такими методами, были, видимо, с врождённым звериным инстинктом и ненормальной психикой. Да ещё зомбированные человеконенавистнической идеологией расизма, ставившей превыше всего арийскую расу. Вероятно, из таких катовнелюдей и состояли карательные легионы Дирлевангера и других нацистов.